system. It is shown that without raising the retirement age and maintaining the current structure of the insurance pension system until 2050, it would be possible to ensure the annual indexation of pensions in terms of inflation even with minimal economic growth. However, to maintain the ratio of the average pension to the average wage at the current level, raising the retirement age is only one of the necessary measures to stabilize the situation in the period up to 2028. The paper presents the impact of reducing informal employment, increasing the requirements for the length of insurance tenure and increasing the minimum number of individual pension points on the replacement rate. The estimates of tax rates and budget transfer amounts at which it is possible to ensure the replacement rate at the current level (33%) or increase it to 40% are given in for the period up to 2050.

Keywords: *pension system, retirement age, replacement rate.*

JEL Classification: H55, I38.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-42-2-7

А.Г. Вишневский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), Москва

Е.М. Щербакова

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), Москва

Журнал НЭА,
№2 (42), 2019,
с. 148–167

Демография: за и против повышения пенсионного возраста¹

Аннотация. Демографическое старение поставило в повестку дня всех развитых стран вопрос об адаптации существующих пенсионных систем к новой возрастной структуре населения, в частности к растущей доле в нем пожилых людей. В статье подчеркивается, что изменения возрастной структуры, приводящие к старению населения, имеют своим следствием не только рост демографической нагрузки на трудоспособное население за счет повышения доли пожилых, но и ее сокращение в результате снижения доли детей, так что с точки зрения общества важна динамика совокупной демографической нагрузки, которая может даже снижаться. Одним из основных путей адаптации к росту числа и доли пожилых, по которому, вслед за многими странами, сейчас пошла и Россия, стало повышение официального возраста выхода на пенсию. В статье анализируется вопрос о том, насколько Россия с демографической точки зрения подготовлена к тому, чтобы уже сейчас следовать по этому пути. Авторы приходят к выводу, что вследствие длительного отставания от большинства развитых стран в снижении смертности Россия объективно не готова к повышению пенсионного возраста, особенно для мужчин. В то время как в западных странах такое повышение, как правило, не приводит к сокращению среднего времени жизни на пенсии, для российских мужчин такое сокращение практически неизбежно. Для российских женщин, имеющих очень низкий, сейчас почти нигде не встречающийся возраст выхода на пенсию, его повышение будет менее болезненным.

Ключевые слова: *возраст выхода на пенсию; ожидаемая продолжительность жизни; старение снизу; старение сверху; пенсионная нагрузка; совокупная нагрузка.*

Классификация JEL: J26, J18, J11, H75, I38.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-42-2-8

1. Введение

Повышение возраста выхода на пенсию в России, вызвавшее сильный общественный резонанс, не без оснований воспринимающееся как актуальная социальная проблема, есте-

ственно обострило и научный интерес к этой проблеме. Общественные дебаты побудили отечественных исследователей глубже задуматься не только над факторами, непосредственно определяющими возраст выхода на

¹ В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся авторами в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг.

пенсию, но и над самой природой пенсионного обеспечения, его местом в системе экономических и социальных отношений современных обществ.

Это не новый, и тем более, не только российский вопрос, имеющий глубокие демографические корни. Фундаментальные и в целом прогрессивные изменения в самой стратегии воспроизводства человеческих поколений (демографический переход) (Вишневыский, 2014), назревавшие давно, но развернувшиеся в основном в XX в., имеют одним из важнейших следствий глубокую перестройку возрастной структуры населения. В результате этой перестройки во всех странах, совершающих демографический переход, намного увеличивается доля людей старшего возраста и уменьшается доля детей и молодежи, и в этом смысле население стареет. Когда перестройка возрастной пирамиды завершается, совокупная нагрузка на трудоспособное население возвращается к изначальному уровню, но при совершенно ином соотношении двух частей этой нагрузки: если прежде главным компонентом нагрузки были дети и молодежь, то теперь эта роль переходит к пожилым и престарелым людям.

Хотя нередко эти изменения трактуются как ухудшение демографической ситуации, ничего страшного в демографическом старении населения нет — в конечном счете, оно обусловлено тем, что люди живут теперь намного дольше, чем прежде. «Нельзя однозначно ответить на вопрос, хорошо ли старение населения для экономики или плохо. Глубина проблемы будет зависеть от масштабов старения населения и того, насколько хорошо государственная политика адаптируется к новой демографической ситуации» (Ли, Мэйсон, 2017, с. 7).

Такая адаптация необходима, но оказывается очень непростой. Радикальные демографические сдвиги глубоко затрагивают одну из важнейших областей экономической и социальной жизни всех обществ — перераспределение ресурсов между поколениями. Сейчас одним из центральных механизмов такого перераспределения, хотя, конечно, не единственным, во всех развитых странах служат пенсионные системы. Они начали склады-

ваться в конце XIX в., в совершенно иных, чем сегодня, демографических условиях, но до сих пор основаны на логике, которой следовали первопроходцы этих пенсионных систем, что существенно затрудняет адаптацию последних к изменившимся демографическим реалиям. Между тем несоответствие между устаревающими пенсионными системами и новыми демографическими условиями нарастает, все более оправдывая название известной книги «Пенсионная система перед бурей» (Котликофф, Бёрнс, 2005).

Все современные пенсионные системы нуждаются в коренном реформировании, но оно представляет собой задачу исключительной сложности. Ведь речь идет об одной из важнейших опор существования современных обществ, любые изменения затрагивают интересы и судьбы многих миллионов людей и воспринимаются очень болезненно. В научной литературе обсуждаются пути, по которым следует продвигаться, но полной ясности, а тем более полного согласия, между сторонниками разных точек зрения нет. Социальная практика идет скорее по пути текущего ремонта. Среди мер такого ремонта есть и повышение возраста выхода на пенсию, но фундаментальных вопросов экономического взаимодействия поколений в стареющих обществах эта мера скорее всего не решает. Во всяком случае, категорическое утверждение, что «единственный вариант ответа на старение населения, обеспечивающий долгосрочную устойчивость пенсионной системы, — повышение пенсионного возраста» (Кудрин, Гурвич, 2012, с. 72), представляется избыточно оптимистичным и вообще весьма спорным. Существуют и другие пути, и они обсуждаются в литературе. «Одно из наиболее важных решений, принимаемых обществом, относится к тому, как финансировать потребление людей в пожилом возрасте — путем отсрочки выхода на пенсию, за счет большего упора на семейную поддержку, за счет увеличения государственных трансфертов престарелым или же путем накопления большего объема активов» (Ли, Мэйсон, 2011, с. 11).

Но даже если повышение возраста выхода на пенсию может рассматриваться лишь как

один из возможных ответов на вызовы демографического старения, нельзя не отметить, что он вполне широко используется в современном мире. Пенсионный возраст повышался и будет продолжать повышаться во многих странах, что дает основание сторонникам его повышения в России сравнивать ее с этими странами, приводить их в пример и напоминать, что возраст выхода на пенсию в России — один из самых низких среди развитых стран (рис. 1).

Задача нашей статьи заключается в том, чтобы попытаться понять, насколько правомерны такие сравнения и основанные на них аргументы, т.е. насколько Россия с демографической точки зрения готова к тому, чтобы

безболезненно последовать примеру Дании, Нидерландов, Италии или других стран, где официальный возраст выхода на пенсию и для мужчин, и для женщин достиг 65 лет и продолжает повышаться.

2. Возрастная логика пенсионных систем

В любом обществе есть часть людей, которые потребляют, не производя, что делает необходимым регулярный трансферт ресурсов от производителей к непроизводящим потребителям, иждивенцам. Основания для того чтобы получать ресурсы, не участвуя в их создании, могут быть разными, но среди них

Рис. 1

Текущий возраст выхода на пенсию и его планируемое увеличение в развитых странах, лет

Источник: Dataset: Pensions at a Glance. Data extracted on 03 Sep 2018 14:37 UTC (GMT) from OECD.Stat.

есть универсальные и такие наиболее распространенные, как нетрудоспособность по возрасту и состоянию здоровья, причем последнее также часто связано с возрастом. Поэтому основные потоки ресурсов от работников к иждивенцам всегда были межпоколенными — от родителей к еще нетрудоспособным детям (нисходящие потоки) или от детей к уже нетрудоспособным родителям (восходящие потоки).

В традиционных крестьянских обществах такой трансферт происходил в основном внутри домохозяйства, полная либо частичная способность или неспособность к труду определялась по факту внутри семьи, ни в каких формальных критериях не было нужды. Соответствующие потоки возникали и прекращались по ходу дела. Но когда основная производственная деятельность переместилась за пределы домохозяйств и массовое распространение получил наемный труд, понадобились новые механизмы межпоколенного перераспределения ресурсов и новые формальные и в то же время простые критерии трудоспособности/нетрудоспособности. Не удивительно, что они были привязаны к возрасту.

Это касается разных категорий иждивенцев. Маленькие дети всегда были иждивенцами своих работающих родителей, хотя, начиная с какого-то возраста, никак не определенного формально, они могли начинать работать, помогая родителям и снижая тем самым бремя иждивенчества. Но затем положение изменилось. С распространением всеобщего образования любой ребенок, достигший определенного возраста, должен был принят в бесплатную школу. И теперь он надолго становится иждивенцем не только родителей, но и государства. Никакого иного критерия, кроме возраста, в данном случае не требуется.

Понятно, что определение таких возрастных границ конвенционально, оно определяется общественным договором. «Обоснование выбора возраста выхода на пенсию опирается на эмпирические представления о том, по достижении какого возраста большинство людей с высокой вероятностью уже не могут работать — в силу плохого состояния здоровья, накопившейся усталости и т.п., и потому могут

претендовать на пенсию. Для пересмотра этой границы должны измениться и эти представления, что требует серьезных перемен в определяющей их реальности» (Вишневский, Васин, Рамонов, 2012, с. 108).

Сторонники повышения пенсионного возраста полагают, что в России такие перемены произошли, и в обоснование своей позиции приводят две группы демографических аргументов. Аргументы первой группы призваны убедить в необходимости повышения пенсионного возраста, аргументы второй группы — в его возможности, в том, что благоприятные демографические изменения подготовили такое повышение и делают его безболезненным. Насколько убедительна эта аргументация?

3. Пенсионная нагрузка как часть совокупной нагрузки

Ударный аргумент всех сторонников повышения возраста выхода на пенсию заключается в том, что такое повышение — необходимый ответ на старение населения и вытекающий из него рост пенсионной нагрузки. Пенсионная система — «самая уязвимая к старению населения составляющая экономики» (Гурвич, 2018).

Вот типичное рассуждение сторонников повышения возраста выхода на пенсию. «К середине 2030-х годов численность получателей страховых пенсий сравняется с численностью лиц, за которых уплачиваются страховые взносы, а за пределами этого горизонта превысит ее. Это означает, что уже в 2036 г. среднестатистический работник должен обладать такой производительностью труда и соответственно заработной платой, которая позволит ему обеспечивать жизненными благами себя, свою семью и дополнительно одного пенсионера, а в дальнейшем один работник будет нести материальную ответственность более чем за одного пенсионера. Мировая история подобных прецедентов не знает» (Горлин, Ляшок, Малева, 2018, с. 151).

При всей кажущейся убедительности этого рассуждения в нем нет ни одного слова, с которым можно было бы согласиться.

Заработная плата, и здесь, пожалуй, прав был Маркс, определяется стоимостью рабочей силы, т.е. затратами на ее производство и воспроизводство. Рост производительности труда связан с ростом этих затрат, но прямой пропорциональности здесь нет. Не заработная плата — главный бенефициар роста производительности труда. Благодаря росту производительности труда построены египетские пирамиды и Версальский дворец, открыта и освоена Америка, созданы современные, крайне дорогостоящие, системы вооружений, начато освоение космоса и т.д. Функции же вознаграждения за труд при этом не меняются. Если теперь воспроизводство новых поколений обходится семье дороже, чем сто лет назад, то это должно получить отражение в расходах домохозяйств, а значит, и в размере заработной платы. Но не более того. Весь остальной выигрыш от роста производительности труда, в XX в. огромный, поступает в общий котел. И весь вопрос в том, как распределяется прибавочный продукт — содержимое этого котла.

У этого распределения есть свои законы и свои беззакония, но его общий смысл заключается в том, что оно должно обеспечивать удовлетворение всех потребностей, формирующихся за пределами домохозяйств. Ни у кого не возникает вопросов, когда к числу таких потребностей относят содержание государственного аппарата, укрепление обороноспособности страны, развитие здравоохранения или просвещения. И никому не приходит в голову протестовать против недешевого освоения космоса только на том основании, что мировая история подобных прецедентов не знает. Все это воспринимается как потребности общества как целого, которые удовлетворяются — пусть и с разной степенью успешности — во всех странах.

Однако когда речь заходит о необходимости содержать все большее число людей преклонного возраста, на протяжении десятилетий своей трудовой жизни исправно пополнявших тот самый пресловутый общий котел, оказывается, что именно они образуют непосильную нагрузку на среднестатистического работника. Он живет и работает в построен-

ных ими зданиях, ездит по построенным ими дорогам — в физическом смысле, но также и в более общем смысле — движется по путям экономического и научно-технического развития, проложенным работниками предшествующих поколений. Живой труд среднестатистического работника — лишь часть вклада в создание сегодняшнего национального продукта, источник другой его части — материальный и интеллектуальный капитал, накопленный предшествующими поколениями. Некоторые представители этих поколений — пресловутые пенсионеры — еще живы, но по историческим меркам их оказывается слишком много.

Утверждение, что среднестатистический работник должен «обеспечивать жизненными благами себя, свою семью и дополнительно одного пенсионера» (Горлин, Ляшок, Малева, 2018, с. 151), предполагает, что пенсионер — заведомо не член семьи. Наверно, было бы точнее говорить не о семье, а о домохозяйстве, и тогда нельзя не согласиться с тем, что многие пенсионеры, а возможно, и большинство, сегодня живут отдельными домохозяйствами, которые должны иметь самостоятельную экономическую базу. Ею и служит пенсия. Подобная ситуация действительно не имеет давних исторических прецедентов, но из этого не следует, что живущие отдельно от своих детей престарелые родители становятся для них дополнительными пенсионерами. Понятно, что при рыночной экономике жизнь людей организована не так, как при натуральном хозяйстве, но суть экономического взаимодействия поколений от этого не меняется.

Пенсионная нагрузка на работающее население — лишь часть совокупной нагрузки на него, потому что работники обеспечивают не только пожилых людей, завершивших свою трудовую деятельность, но и детей. Сторонники повышения возраста выхода на пенсию концентрируют все внимание на росте нагрузки со стороны пожилых людей, совершенно игнорируя изменения нагрузки со стороны лиц дорабочих возрастов. Ссылаясь на работы зарубежных исследователей, наши экономисты с уверенностью утверждают, что «существенное преобладание расходов на

старших граждан по сравнению с расходами на молодых типично для большинства стран» (Кудрин, Гурвич, 2012, с. 57), имея при этом в виду только государственные, бюджетные расходы.

Но ведь проблема трансфертов между поколениями не сводится только к вопросу о доходах и расходах государственного бюджета. Экономист обязан видеть эту проблему во всей ее полноте — как проблему не только государства, но и всего общества. Более того, проблема трансфертов внутри общества важнее проблемы трансфертов государственного бюджета, который обслуживает лишь часть потребностей общества. Если исходить из такого подхода, то нельзя не принимать во внимание нисходящих межпоколенных трансфертов (от работающего населения к населению в дорабочих возрастах) и, соответственно, не принимать во внимание изменений в детской части демографической нагрузки (в том числе и в бюджетной, связанной с функционированием систем образования, здравоохранения и пр., но не сводимой к ней: кормят, одевают и несут другие немалые затраты по обеспечению детей их родители).

Обусловленная демографическим переходом трансформация возрастного состава населения затрагивает обе части населения в нерабочих возрастах — получателей как восходящих, так и нисходящих трансфертов. И если уж анализировать исторические прецеденты, то следует отметить, что на ранних этапах демографического перехода в поле зрения экономистов попадает как раз растущее бремя нисходящих трансфертов. Отсюда стремление большинства правительств развивающихся стран сократить так называемые демографические инвестиции за счет снижения рождаемости и сокращения детской экономической нагрузки. Наиболее впечатляющие примеры успешности такой стратегии дают страны с авторитарными политическими режимами типа Китая или Ирана, хотя сейчас эта стратегия реализуется в большинстве развивающихся стран.

К началу 1970-х годов в Китае на 1000 человек в возрасте 20–59 лет приходилось свыше 1200 детей и молодых людей в воз-

расте до 20 лет. К 2015 г. эта нагрузка сократилась втрое (UN, 2017, file Pop/7-1), что стало одной из важнейших предпосылок быстрого экономического развития Китая на протяжении последних десятилетий. Но, например, в Нигерии, стране с населением в 180 млн человек, и в 2015 г. на 1000 жителей в возрасте 20–59 лет приходилось свыше 1300 человек в возрасте до 20 лет — огромная нагрузка на экономику, один из главных тормозов ее развития.

Сейчас уже забылось, что с подобными проблемами сталкивалась в свое время и Россия. В 1926 г. в России на 1000 человек в возрасте 20–59 лет приходилось 1114 человек в возрасте до 20 лет (Население России за 100 лет..., 1998, с. 38). Впоследствии, как и во всех городских и промышленно развитых странах, положение в России стало меняться, основная тяжесть иждивенческой нагрузки стала перемещаться из дорабочих в после-рабочие возраста. В 2017 г. на 1000 человек в возрасте 20–59 лет приходилось уже только 390 человек в возрасте до 20 лет. Но прежде чем такая трансформация завершится, она должна пройти ряд промежуточных этапов. Одни из них выгодны для экономики, совокупная демографическая нагрузка снижается, и общество получает так называемый демографический дивиденд; другие, напротив, невыгодны — нагрузка повышается, и общество несет потери. И то, и другое обусловлено закономерными изменениями соотношения трудоспособного и нетрудоспособного населения, неизбежными и тогда, когда демографический переход реализуется в соответствии с идеальными теоретическими моделями. Но реальная жизнь вносит свои поправки. Изменения возрастного состава нередко приобретают турбулентный характер, усиливающий или ослабляющий их экономические последствия.

Именно это мы наблюдаем в России. Несмотря на некоторые колебания, в целом на протяжении последних 50 лет страна получала демографический дивиденд: изменения возрастной структуры были экономически выгодными. Так было с середины 1960-х до середины 1980-х годов, а затем с середины 1990-х годов до конца нулевых. Только за этот последний

период совокупная демографическая нагрузка на одного человека в трудоспособном возрасте — от 20 до 60 или от 20 до 65 лет — снизилась на четверть (что обусловлено исторически отдаленными причинами, которые сами по себе были далеко не благоприятными).

Так или иначе, но к концу нулевых годов совокупная демографическая нагрузка в России стала минимальной за весь послевоенный период — 52 человека в возрасте до 20 и 65 лет и старше на 100 лиц в возрасте 20–64 года² в 2010 г. против 80 в 1965 г.³ и 68 в 1992–1996 гг. (UN, 2017, file POP/11-B). В это время (2010 г.) она была существенно ниже, чем во многих развитых странах: 58 на 100 в Испании, 59 в Канаде, 65 в Германии и Италии, 68 в США, Великобритании и Японии, 70 во Франции, 71 в Швеции (ibid.).

Парадоксальным образом именно в этот уникально благоприятный с точки зрения демографической нагрузки период многие российские экономисты начали настаивать

на повышении возраста выхода на пенсию на том основании, что демографическая нагрузка на сокращающееся трудоспособное население становится непосильной.

Относительно недавно благоприятный период закончился, и, пройдя точку минимума в 2011 г., совокупная нагрузка стала расти — за счет увеличения нагрузки пожилыми людьми, что и предопределило рост совокупной нагрузки. Это не было неожиданностью: демографы давно уже понимали, что экономически благоприятные изменения возрастного состава не могут быть бесконечными. Они предупреждали, что «получение “демографического дивиденда” заканчивается, и изменения возрастной структуры, в отличие от предыдущего периода, становятся крайне невыгодными» (Население России, 2008, с. 292). И в самом деле, пройдя точку минимума, демографическая нагрузка снова стала расти. Этот рост будет продолжаться приблизительно до 2030 г., и совокупная демографическая нагрузка (по сравнению

Рис. 2

Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста в некоторых странах, 2015 г. (число лиц в возрасте до 20 лет и старше 64 лет на 100 человек в возрасте 20–64 года)

Источник: UN, 2017, files POP/11B, POP/13-B.

² Для удобства сопоставления взяты возрастные границы трудоспособного возраста, чаще всего используемые при международных сравнениях (20–64 года).

³ Здесь и далее данные, приводимые для России, относятся к населению в границах РСФСР, если не оговорено иное, до распада СССР и в границах России после его распада.

с минимумом 2011 г.) может вырасти примерно в полтора раза. Однако пока до этого еще далеко, российский уровень демографической нагрузки — как совокупной, так и пожилыми людьми — существенно ниже, чем в большинстве развитых стран (рис. 2), и никак не оправдывает той поспешности, с которой были приняты решения о повышении возраста выхода на пенсию.

И наконец, рассуждая об исторических прецедентах в контексте обсуждения вопроса об изменении экономической нагрузки на трудоспособное население как следствии демографических перемен, следует обратить внимание на сопряженный с этими переменами и действительно беспрецедентный массовый выход за пределы домохозяйств женского труда. Это небывало увеличило численность среднестатистических работников независимо от изменений возрастного состава населения. В 1928 г. в РСФСР было всего 2085 тыс. женщин — рабочих и служащих, или 27% общего числа женщин. В середине 1980-х годов их число превышало 35 млн, и на протяжении всего послевоенного периода женщины в России составляли либо половину, либо более половины всех рабочих и служащих (Труд в СССР, 1988, с. 107). В 2017 г. численность рабочей силы (занятые плюс безработные) оценивалась в 76,1 млн человек, 36,9 млн из которых составляли женщины (Российский статистический ежегодник, 2018, с. 109). Без тех демографических перемен, которые привели к старению населения, подобное развитие событий было бы невозможно.

4. Неудобные поколения

Даже если бы теоретические представления о повышении возраста выхода на пенсию как наилучшем ответе на демографическое старение были бы верны, это не означает, что они автоматически приложимы к любой реальной ситуации. Дьявол, как известно, кроется в деталях.

И хотя рост демографической нагрузки пожилыми людьми — как бы ни определялась граница пожилого возраста («старше трудоспособного»), которая ассоциируется с возрастом

выхода на пенсию, — в целом предопределен эволюционным процессом демографического старения, в настоящее время в России он имеет особенности. Эти особенности обычно игнорируют, что едва ли приемлемо по политическим, да и по этическим соображениям.

Дело в том, что недавний (после 2004 г.) необычно быстрый рост пенсионной нагрузки на работающее население в России, к которому обычно привлекают внимание экономисты, объясняется отнюдь не только эволюционным процессом старения. Очень большое значение имеет огромный перепад численности поколений, выходявших на пенсию, который пришелся на 2000-е годы. В 1998 г. достигли пенсионного возраста женщины 1943 г. рождения (год минимальной рождаемости военного времени), и в начале 1999 г. впервые число лиц пенсионного возраста оказалось ниже, чем в предыдущем году. Постепенно число женщин, достигающих пенсионного возраста, увеличивалось, но пять лет спустя, в 2003 г., пенсионного возраста стало достигать самое малочисленное поколение мужчин. Только к началу 2005 г., когда пенсионного возраста достигли женщины 1949 и мужчины 1944 г. рождения, общее число пенсионеров снова стало увеличиваться.

После самых малочисленных поколений XX в., родившихся в 1941–1946 гг., пенсионного возраста стали достигать самые многочисленные поколения второй половины столетия, родившиеся в 1947–1960 гг. Эти поколения начали пополнять ряды пенсионеров в 2002 г., но только в начале 2005 г. был зафиксирован рост численности пенсионных поколений — после 6 лет ее сокращения (рис. 3). Этот рост продолжился, он шел нарастающим темпом, что понятно, если учесть компенсационную природу послевоенного подъема рождаемости. Но это было временное ускорение, и оно заканчивается (рис. 4) — в дальнейшем темпы роста числа лиц пенсионных возрастов при сохранении их прежних границ были бы, вероятно, даже более низкими, чем в 1970–1980-е годы.

Так или иначе, но последние десять лет были отмечены значительным увеличением числа лиц пенсионных возрастов, а соответ-

Рис. 3

Число лиц, достигавших пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) в 1959–2018 гг., тыс. человек

Примечание. В скобках указаны годы рождения соответствующих поколений мужчин / женщин.

Источник: данные Росстата.

ственно, и пенсионеров, и расходов на пенсии, что способствовало росту числа сторонников повышения возраста выхода на пенсию, тогда как специфика этого увеличения не была осознана в полной мере.

Следует отметить, что поколения пенсионеров послевоенных лет рождения уже создавали определенные трудности своей необычной многочисленностью. Так, например, в 1953–1954 учебном году в СССР число учащихся первых четырех классов, родившихся между 1 сентября 1942 и 1 сентября 1946 г., составило 12,1 млн, а в 1958–1959 гг. (родившихся с 1 сентября 1947 по 1 сентября 1951 г.) — 17,8 млн человек (Урланис, 1963, с. 31) — рост в полтора раза. На этот вызов должна была отвечать не только система образования, но и система здравоохранения, да и вся экономика не могла не ощущать быстрого роста детской группы иждивенцев. Тем не менее, государство не отказывалось от своих основных обязательств, ссылаясь на рост числа уча-

щихся или пациентов детских поликлиник, равно как и на очень высокую совокупную демографическую нагрузку. В России в 1959 г. она составляла 83 человека в возрасте до 20 и старше 60 лет на 100 человек в трудоспособном возрасте 20–59 лет, причем этой нагрузке предстояло вырасти почти до 95 человек (сейчас она меньше 70 человек). Несмотря на это, в стране происходила успешная реализация таких крупных социальных программ, как массовое жилищное строительство, и именно тогда была реформирована и сложилась в том виде, в каком она дожила до наших дней, пенсионная система.

Зато когда поколения послевоенных лет рождения достигли трудоспособного возраста (с 1962 г. в этот возраст стали вступать поколения родившихся в 1946 г. и позднее), они обеспечили самую высокую численность трудовых ресурсов за все послевоенное время⁴ и, соответственно, самый высокий вклад в экономику страны (рис. 5).

⁴ За 15 лет, с 1946 по 1960 г., в России родилось 42,6 млн детей; за 1961–1975 — 31,3 млн; за 1976–1990 — 34,2 млн; за 1991–2005 — 21 млн детей.

Рис. 4

Число лиц пенсионного возраста при его прежних границах (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) – фактическое (1959–2017 гг.) и по среднему варианту прогноза Росстата (2018–2035 гг.), млн человек

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5

Число лиц в рабочих возрастах при прежних границах пенсионного возраста, 1959–2017 гг., млн человек

Источник: Данные Росстата.

И вот теперь они достигли пенсионного возраста, из-за них в середине нулевых годов стало быстро расти число пенсионеров, и, по мнению многих экономистов, они превратились в невыносимое бремя для экономики. По логике действующей пенсионной системы, они не имеют никакого отношения к своему трудовому вкладу, а зависят от трудового вклада ныне работающих поколений. Поэтому число пенсионеров надо сократить, чтобы привести его в большее соответствие с числом работающих.

5. Действительно ли Россия готова к повышению пенсионного возраста

Вторая группа аргументов сторонников повышения пенсионного возраста сводится к тому, что российское общество не только нуждается в таком повышении, но и полностью созрело для него благодаря росту продолжительности общей и здоровой жизни.

В основе этой аргументации очень часто лежит достаточно смутное представление о том, что такое ожидаемая продолжительность жизни⁵. В отличие от того, что часто думают, это — не одно число, а непрерывный ряд чисел, функция $e(x)$, где x — возраст. Как правило, экономисты и политики, рассуждая

о продолжительности жизни, имеют в виду значение этой функции в точке 0, т.е. при рождении: $e(0)$. Это действительно очень важный показатель, но он дает ответы не на все вопросы, в частности, потому, что исторические изменения ожидаемой продолжительности жизни в разных возрастах не синхронны — в разные периоды они могут происходить и обычно происходят с разной скоростью. Сторонники повышения возраста выхода на пенсию в России этого обстоятельства, как правило, не учитывают.

Расхожим стало, например, утверждение, что нынешние верхние границы трудоспособности для мужчин и женщин были установлены еще в 1920-е годы, когда продолжительность жизни россиян была очень низкой; с тех пор она намного увеличилась, что и дает основания для повышения пенсионного возраста. Это рассуждение предполагает, что функция $e(x)$ ведет себя одинаково на всех возрастных интервалах, что не соответствует действительности.

В самом деле, за 120 лет, начиная с конца XIX в., в России ожидаемая продолжительность жизни при рождении — $e(0)$ у мужчин выросла на 37, у женщин — на 45 лет, т.е., со-

⁵ В русскоязычной литературе этот показатель (англ. — Life expectancy, фр. — Espérance de vie) часто неверно называют ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни, нередко понимая буквально как предсказание будущего. На самом деле это — лишь корректный измеритель уровня смертности текущего года, математическое ожидание, т.е. среднее из вероятных значений ожидаемой продолжительности жизни человека, достигшего определенного возраста, наблюдаемых в этом году. В таком качестве этот показатель используется с XVII в.

ответственно, — в 2,3 и 2,4 раза. Но этот рост, обусловленный огромным снижением младенческой и детской смертности, почти не затронул пожилых людей, особенно мужчин. Для мужчин и женщин в возрасте 60 лет прирост $e(60)$ составил всего 2,2 и 7,5 года (рис. 6), или 16 и 53%.

Как мы видим, автоматической связи между изменениями $e(0)$ и $e(60)$ нет; рост второго показателя может не следовать — и обычно долгое время не следует — за ростом первого. Значительный рост продолжительности жизни пожилого населения — это особый

этап ее общего роста, он наступает намного позднее, чем начинается ее общее увеличение, обусловленное снижением смертности в младших возрастах. Сейчас Россия в лучшем случае с огромным запаздыванием вступает в этот этап, но пока ее отставание от других стран по ожидаемой продолжительности жизни пожилых людей, особенно мужчин, еще очень велико (рис. 7).

Не лучше обстоит дело и с продолжительностью здоровой жизни. Этот показатель используется относительно недавно, и степень его достоверности значительно ниже, чем

Рис. 6

Ожидаемая продолжительность жизни в России для новорожденных и лиц, достигших 60 лет, 1896–2016 гг.⁶, лет

Источники: Население России за 100 лет..., 1998, с. 167–168; Российский статистический ежегодник..., 2018, с. 96; Демографический ежегодник России..., 2017, с. 81.

Рис. 7

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 лет в некоторых странах, 2010–2015 гг., лет

Источник: UN, 2017, files: MORT/17-2: MORT/17-3.

⁶ Данные за 1896/1897 и 1926/1927 г. относятся к Европейской России в границах европейской части РСФСР на 1 января 1927 г.

показателей смертности и продолжительности жизни, основанных на данных сплошной регистрации смертей. В случае с продолжительностью здоровой жизни речь всегда идет об оценках, основанных на разного рода допущениях или на данных выборочных опросов или обследований, часто проводимых по разным методикам и не всегда сопоставимых. Если все же воспользоваться результатами наиболее авторитетного крупного международного исследовательского проекта, то становится ясно, что и здесь имеется существенное отставание России от других стран — и по ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении, и по этому показателю для людей, достигших преклонного возраста (рис. 8).

К этому следует добавить, что, хотя женщины живут дольше мужчин, по некоторым оценкам, «по уровню здоровья в старших и пожилых возрастах российские женщины уступают не только женщинам в лидирующих странах ЕС, но и российским мужчинам» (Вишневский, Васин, Рамонов, 2012, с. 105). Если это так, то повышение возраста выхода на пенсию для женщин, кажущееся оправданным их существенно более высокой продолжительностью жизни в старших возрастах (см. рис. 7), при весьма низком (по современным меркам) действующем возрасте выхода на пенсию (55 лет), «будучи целесообразным с экономической точки зре-

ния, сталкивается с серьезным препятствием — нездоровьем женщин старших трудоспособных и пожилых возрастов» (там же, с. 107).

6. «Старение снизу» и «старение сверху»

И все же принципиальное значение для оценки возможности и целесообразности повышения возраста выхода на пенсию в разных странах, в том числе и в России, имеет не сравнение количественных показателей, хотя и оно достаточно красноречиво, а понимание качественных различий двух этапов старения, которое сторонники повышения возраста выхода на пенсию рассматривают как единый процесс.

Рост ожидаемой продолжительности жизни всегда начинается в результате снижения смертности в детских возрастах, на что общество закономерно отвечает снижением рождаемости. Именно снижение рождаемости — первая причина демографического старения, получившего название *старения снизу*. Снижение рождаемости сопровождается вовлечением в экономику огромного количества женского труда, а снижение смертности в средних возрастах приводит к тому, что несравненно большая, чем прежде, доля вовлеченных в экономику работников достигает пенсионного возраста.

Рис. 8

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении и в возрасте 65 лет в некоторых странах в 2015 г., лет

Источник: Global..., 2016, p. 1620–1623.

Никаких оснований для повышения возраста выхода на пенсию это переформатирование возрастной пирамиды само по себе не дает, оно лишь свидетельствует об увеличении трудового потенциала общества. Если пенсионеров по старости становится больше, значит, больше людей дорабатывают до пенсионного возраста. Их совокупный пенсионный фонд должен естественным образом соответствовать их большему вкладу в национальную экономику.

Если экономика России и несет потери, то как раз потому, что до пенсии доживают далеко не все — намного меньше, чем в других странах (рис. 9). При этом в финансовой системе оседает немалый невостребованный пенсионный вклад той части работников, которые не дожили до пенсионного возраста.

Лишь позднее — с существенным временным разрывом — к старению снизу присоединяется *старение сверху*. Это происходит тогда, когда снижение смертности достигает верха возрастной пирамиды и начинает повышаться продолжительность жизни пожилых людей. Только на этом этапе повышение возраста выхода на пенсию становится обоснованным — одновременно по двум причинам.

Во-первых, оно становится необходимым, потому что значительно удлиняется период жизни на пенсии, а значит, и совокупная сумма выплат, получаемых каждым поколени-

ем пенсионеров. Одно дело мужчине, достигнувшему 60 лет, жить после этого на пенсии 15,5 года, как это было в условия российской смертности в 2010–2015 гг., а другое — 23 года в условиях французской или японской смертности (в полтора раза дольше, чем в России). То же и для 60-летних женщин: 21 год в России, но свыше 27 лет во Франции и свыше 28 в Японии (на 30–40% дольше). Тут поневоле задумаешься о возможности сократить время заслуженного отдыха за счет более позднего выхода на пенсию.

Во-вторых, такое решение становится гораздо более оправданным, так как потенциал более долгой жизни свидетельствует об оттеснении самих границ старости, а поэтому — и о более долгом сохранении здоровья, что естественным образом сдвигает верхнюю границу трудоспособности. Не случайным стало введение в современный научный оборот новых показателей старения (Sanderson, Scherbov, 2007; Sanderson, Scherbov, 2008). Если принять в качестве условной границы старости возраст, в котором человеку остается прожить, в среднем, 15 лет, то, как видно из таблицы, россияне достигают этой границы намного раньше, чем жители очень многих стран (в таблице представлены, конечно, далеко не все такие страны), что свидетельствует об их более раннем фактическом старении.

Рис. 9.

Число доживающих до 60 лет из 1000 доживших до 20 лет в России и в Европейском союзе

Источник: UN, 2017, file MORT/17-2.

Таблица

Возраст достижения старости (в котором ожидаемая продолжительность жизни равна 15 годам) в некоторых странах в 2010–2015 гг., лет

Страна	Мужчины	Женщины	Страна	Мужчины	Женщины
Австралия	70,5	73,6	Канада	70,3	73,5
Великобритания	69,5	72,4	Россия	60,9	67,9
Германия	68,5	72,1	США	69,3	72,2
Израиль	70,3	72,5	Франция	70,4	74,5
Италия	69,6	73,3	Швеция	69,6	72,6
Испания	70,0	73,9	Япония	70,3	75,5

Источник: ПАСА, 2018.

Рис. 10

Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении и в возрасте 60 лет во Франции с 1946 по 2018 г., 1946 г. = 1

Источник: INSEE (L'Institut national de la statistique et des études économiques).

На рис. 10 показаны изменения ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин при рождении и в возрасте 60 лет во Франции в послевоенный период. На графике ясно видно, что до определенного момента рост $e(0)$ заметно опережал рост $e(60)$, но затем положение очень сильно изменилось: рост $e(60)$ резко ускорился. Это ускорение имело принципиальное значение, оно означало, что набрало силу снижение смертности в старших возрастах, в то время как прежде рост продолжительности жизни определялся, главным образом, снижением младенческой и детской смертности, а отчасти – и смертности в средних возрастах. Тогда-то к старению снизу и добавилось старение сверху – как следствие удлинения жизни пожилых людей.

Франция – типичный пример изменений, происходивших в то же самое время в большинстве развитых стран. Ощутив заметный рост

продолжительности жизни людей пенсионного возраста, все они оказались перед необходимостью ограничить увеличение времени пребывания на пенсии, что и привело к повышению возраста, дающего право на ее получение.

Устойчивое ускорение роста ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 60 лет наблюдалось с разных уровней, и в основном с середины 1980-х годов. Если в начале 1960-х годов она составляла у мужчин в развитых странах 15–17 лет, в начале 1980-х годов – 16–19 лет, то в 2010–2015 гг. – 22–23 года, увеличившись в 1,3–1,5 раза по сравнению с серединой прошлого века (рис. 11). У женщин ожидаемая продолжительность жизни в 60 лет – $e(60)$ – уже в начале 1960-х годов во многих странах, включая Россию, составляла 18–19 лет, в начале 1980-х годов – 21–23 года (19,4 года в начавшей отставать России), а в 2010–2015 гг. – 25–28 лет (21 год в России).

Перемены были осознаны не сразу. Несмотря на рост ожидаемого периода пребывания на пенсии, возраст выхода на пенсию долгое время не повышался, а в некоторых странах, напротив, даже снижался. За период 1950–2010 гг. снижение пенсионного возраста мужчин происходило в 10 странах ОЭСР, женщин — в 13 странах (OECD, 2011, р. 33). Пенсионный возраст мужчин в среднем по 30 странам ОЭСР снизился к 1993 г. до 62,4 против 64,3 года в 1949 г., женщин — до 61,0 против 62,9 года (ibid.). И только в 1990-е годы правительства стали предпринимать шаги, направ-

ленные на разворачивание вспять этой тенденции, законодательно закрепляя или планируя повышение возраста выхода на пенсию.

В России же события развивались по-иному. Огромное отставание России, которое демонстрируют данные, приведенные в таблице, объясняется тем, что в свое время Россия, как и весь Советский Союз, не сумела совершить переход на новый важный исторический этап социально-демографического развития. Она достаточно успешно прошла стадию первой эпидемиологической революции, приведшей к установлению контроля над при-

Рис. 11

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 лет в некоторых развитых странах, 1950–2015 гг., лет

Источник: UN, 2017, files: MORT/13-2; MORT/13-3.

Рис. 12

Изменения ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 60 лет в России и во Франции с 1965 по 2018 гг., 1965 = 1

Источники: Росстат и INSEE.

чинами смерти инфекционной этиологии, но осталась — и в значительной мере остается до сих пор — в стороне от развернувшейся в 1970-е годы на Западе второй эпидемиологической революции, в ходе которой устанавливается эффективный контроль над неинфекционными заболеваниями и над внешними причинами смерти (Вишневский, 2015). А старение сверху возникает именно на этом этапе.

Рост продолжительности жизни в пожилых возрастах в России если и начался, то лишь в самое последнее время, с отставанием на полвека, — у женщин она превысила уровни, достигнутые еще в 1960-е годы, только в 2011 г., у мужчин — в 2013 г., и пока результаты этого роста едва заметны (рис. 12).

Если все же этот рост свидетельствует о том, что и в России, наконец, началась вторая эпидемиологическая революция, то можно ожидать, что через некоторое время появятся и демографические основания для повышения возраста выхода на пенсию. Но пока оснований для этого нет — ни в смысле необходимости такой меры, ни в смысле ее оправданности.

7. Заключение

Сторонники скорейшего повышения возраста выхода на пенсию в России постоянно подчеркивали непосильную нагрузку на финансовую систему, создаваемую растущим числом

пенсионеров, предупреждали об опасности бюджетного кризиса и т.п. Между тем, пока, по сравнению с расходами на пенсии по старости в других странах, эта нагрузка в России не так уж велика (рис. 13). В 2017 г. (как и в 2015 г.) расходы на пенсии и пособия составили 7,6% российского ВВП, причем пенсионеры по старости, которых затрагивает повышение возраста выхода на пенсию, составляют примерно 80% всех пенсионеров.

Разумеется, ресурсы никогда не бывают безграничными, их расходование всегда предполагает экономию и правильный выбор приоритетов. По каким критериям следует оценивать объем ресурсов, которые общество готово выделить на содержание пенсионеров?

Любое государство в той мере, в какой оно несет ответственность за благополучие граждан и распоряжается переданными ему этими гражданами общественными ресурсами, обязано отвечать на все вызовы времени, идет ли речь об обеспечении всеобщего образования, развитии здравоохранения, повышении обороноспособности или о космических полетах.

Обеспечение материального и морального благополучия старшего поколения должно быть осознано как такой же вызов времени, как императивная общественная потребность. Современное долгожительство — пусть в Рос-

Рис. 13

Расходы на пенсии в % ВВП в странах Европейского союза и России, 2015 г.

Источники: Российский статистический ежегодник, 2018, с. 148; Eurostat Database.

сии пока вполне скромное по сравнению со многими странами, — не меньшее достижение, чем выход человека в космос. Не удивительно, что поддержание и рост благосостояния пожилой части общества превращаются в серьезную статью расходов. Вопрос же о том, относятся ли эти расходы к числу приоритетных или должны финансироваться по остаточному принципу, может обсуждаться, но не имеет теоретического решения. Поэтому и недавнее повышение возраста выхода на пенсию в России, в том числе и по соображениям экономии бюджета, нельзя считать теоретически обоснованным. В той мере, в какой на него повлияли аргументы продвигавших его экономистов, его можно считать лишь отражением их представлений о сегодняшней шкале приоритетов российского государства и российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А., Васин С., Рамонов А.** (2012). Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни. // *Вопросы экономики*. № 9. С. 88–109.
- Вишневский А.Г.** (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*. // *Демографическое обозрение*. № 1 (1). С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>.
- Вишневский А.Г.** (2015). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция. // *Демографическое обозрение*. № 1 (4). С. 5–40. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801>.
- Горлин Ю., Ляшок В., Малева Т.** (2018). Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // *Экономическая политика*. Т. 13. № 1. С. 148–179.
- Гурвич Е.** (2018). Экономический тупик: почему нужно повышать пенсионный возраст. [Электронный ресурс] // *Forbes*. 30.07.2018. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/365309-ekonomicheskij-tupik-pochemu-nuzhno-povyshat-pensionnyy-vozrast>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: март 2019 г.).
- Демографический ежегодник России.** 2017 (2017). Статистический сборник. М.: Росстат.
- Котликофф Л., Бёрнс С.** (2005). Пенсионная система перед бурей. То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Кудрин А., Гурвич Е.** (2012). Старение населения и угроза бюджетного кризиса // *Вопросы экономики*. № 3. С. 52–79. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>.
- Ли Р., Мэйсон Э.** (2011). Цена зрелости // *Финансы и развитие*. Июнь. Вып. 48. № 2. С. 6–11.
- Ли Р., Мэйсон Э.** (2017). Цена старения // *Финансы и развитие*. Март. Вып. 54. № 1. С. 7–9.
- Население России 2006.** (2008). Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Население России за 100 лет (1897–1997)** (1998). Стат. сборник. М.: Госкомстат России.
- Российский статистический ежегодник 2018** (2018). Статистический сборник. М.: Росстат.
- Труд в СССР** (1988). Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР.
- Урланис Б.Ц.** (1963). Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат.
- Global, Regional, and National Disability-Adjusted Life-Years (DALYs) for 315 Diseases and Injuries and Healthy Life Expectancy (HALE), 1990–2015: A Systematic Analysis for the Global Burden of Diseases Study 2015** (2016). [Электронный ресурс] // *Lancet*. October 08. Vol. 388. No. 10053. P. 1603–1658. Режим доступа: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(16\)31460-X.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(16)31460-X.pdf), свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: март 2019 г.).

- IIASA (2018). International Institute for Applied Systems Analysis. Aging Demographic Data Sheet 2018. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/PublicationsMediaCoverage/ModelsData/AgingDemDataSheet2018_web.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: март 2019 г.).
- INSEE (2017). Population en 2015 — Tableaux de séries longues. État civil et estimations de population. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2851528?sommaire=2851587>, свободный. Загл. с экрана. Яз. фр. (дата обращения: март 2019 г.).
- OECD (2011). Pensions at a Glance 2011: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries. [Электронный ресурс] OECD Publishing. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2011-en, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: март 2019 г.).
- Sanderson W., Scherbov S.** (2007). A New Perspective on Population Aging // *Demographic Research*. Vol. 16. No. 2. P. 27–58.
- Sanderson W., Scherbov S.** (2008). Rethinking Age and Aging // *Population Bulletin*. Vol. 63. No. 4. P. 1–16.
- UN (2017). UN Population Division. World population prospects: The 2017 Revision. [Электронный ресурс] DVD edition. Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: март 2019 г.).
- (HALE), 1990–2015: A Systematic Analysis for the Global Burden of Diseases Study 2015 (2016). *Lancet*, Oct. 08, 388, 10053, 1603–1658. Available at: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(16\)31460-X.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(16)31460-X.pdf) (accessed: March 2019).
- Gorlin Yu., Liashok V., Maleva T.** (2018). Pension Age Increase: Positive Effects and the Possible Risks. *Economic Policy*, 13, 1, 148–179 (in Russian).
- Gurvich E.** (2018). The Economical Dead End: Why Is It Necessary to Increase the Pension Age. *Forbes*, 30.07.2018. Available at: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/365309-ekonomicheskii-tupik-pochemu-nuzhno-povyshat-pensionnyy-vozrast> (accessed: March 2019, in Russian).
- IIASA (2018). International Institute for Applied Systems Analysis. Aging Demographic Data Sheet 2018. Available at: http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/PublicationsMediaCoverage/ModelsData/AgingDemDataSheet2018_web.pdf (accessed: March 2019).
- INSEE (2017). Population en 2015 — Tableaux de séries longues. État civil et estimations de population. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2851528?sommaire=2851587> (accessed: March 2019).
- Kotlikoff L.J., Burns S.** (2005). The Coming Generational Storm. What You Need Know about America's Economic Future. Moscow: Alpina Business Books (in Russian).
- Kudrin A., Gurvich E.** (2012). Population Aging and Risks of Budget Crisis. *Issues of Economics*, 3, 52–79. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>.
- Labour in the USSR (1988). Statistical Handbook. Moscow: GosKomStat (in Russian).
- Lee R., Mason A.** (2011). The Price of Maturity. *Finance & Development*, June, 48, 2, 6–11. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2011/06/pdf/lee.pdf> (accessed: March 2019, in Russian).
- Lee R., Mason A.** (2017). Cost of Aging. *Finance & Development*, March, 54, 1, 7–9. Available at: <https://www.imf.org/external/>

Поступила в редакцию 21.04.2019 г.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

Global, Regional, and National Disability-Adjusted Life-Years (DALYs) for 315 Diseases and Injuries and Healthy Life Expectancy

- pubs/ft/fandd/2017/03/pdf/fd0317.pdf (accessed: March 2019, in Russian).
- OECD (2011). Pensions at a Glance 2011: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries. OECD Publishing. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2011-en.
- Population of Russia (2008). Population of Russia 2006. The Fourteen Annual Demographic Report. Vishnevsky A.G. (ed.). Moscow: NRU HSE (in Russian).
- Population of Russia: 1897–1997 (1998). Statistical Handbook. Moscow: GosKomStat (in Russian).
- Russian Statistical Yearbook 2018. Statistical Handbook. Moscow: RosStat (in Russian).
- Sanderson W., Scherbov S. (2007). A New Perspective on Population Aging. *Demographic Research*, 16, 2, 27–58.
- Sanderson W., Scherbov S. (2008). Rethinking Age and Aging. *Population Bulletin*, 63, 4, 1–16.
- The Demographic Yearbook of Russia. 2017 (2017). Statistical handbook. Moscow: RosStat (in Russian).
- UN (2017). UN Population Division. World Population Prospects: The 2017 Revision, DVD edition. Available at: <https://population.un.org/wpp/> (accessed: March 2019).
- Ulanis B.Ts. (1963). Fertility and Life Expectancy in the USSR. Moscow: GosStatIzdat (in Russian).
- Vishnevsky A. (2014). The Demographic Revolution Is Changing the Reproductive Strategy of Homo Sapiens. *Demographic Review*. English selection, 3–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>.
- Vishnevsky A. (2015). Mortality in Russia: The Second Epidemiologic Revolution That Never Was. *Demographic Review*. English selection, 4–33. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/5581/5976> (accessed: March 2019).
- Vishnevsky A., Vasin S., Ramonov A. (2012). Retirement Age and Life Expectancy in the Russian Federation. *Issues of Economics*, 9, 88–109. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-9-88-109>.

Received 21.04.2019

A.G. Vishnevsky

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E.M. Shcherbakova

Institute for Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Demography: Pros and Cons of Raising the Retirement Age

Abstract. Demographic aging has placed on the agenda of all developed countries the question of adapting existing pension systems to a new age structure, in particular, to the growing proportion of older people in the population. The authors emphasize that changes in the age structure leading to demographic aging result not only in an increase in the old age dependency ratio due to a rise in the share of the elderly, but also in a reduction in the child dependency ratio as a result of a decline in the proportion of children; thus, from the point of view of society as a whole, what matters are the dynamics of the total dependency ratio, which may even decrease. One of the main ways of adapting to the growth in the number and proportion of the elderly now, on the heels of many other countries, being pursued also by Russia, has been to raise the official retirement age. The article analyzes the question of how prepared, from a demographic point of view, Russia is to follow this path at present. The authors conclude that due to the long lag behind most developed countries in reducing mortality, Russia is objectively not ready for raising the retirement age, especially for men. While in Western countries such an increase, as a rule, does not lead to a reduction in the number of years of life in retirement, for Russian men such a reduction is almost inevitable. For Russian women, who now have an almost uniquely low retirement age, its raising will be less painful.

Keywords: *retirement age; life expectancy; ageing from below; ageing from above; old-age dependency ratio; total dependency ratio.*

JEL Classification: J26, J18, J11, H75, I38.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-42-2-8

Р.С. Гринберг

Институт экономики РАН, Москва

А.Л. Сафонов

ОУП ВО АТиСО, ФГБУ ВНИИ труда Минтруда России, Москва

Журнал НЭА,
№2 (42), 2019,
с. 167–177

Повышение пенсионного возраста в России, или Как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны

Аннотация. Статья посвящена оценке социально-экономических последствий решения о повышении пенсионного возраста в Российской Федерации. Решение о повышении пенсионного возраста было принято в результате автоматического переноса практики западных стран. В качестве основного аргумента необходимости решения об изменении возрастных параметров пенсионного обеспечения в России было принято утверждение о недопустимости роста расходов федерального бюджета на пенсионное страхование, поскольку это снижает инвестиционные возможности государства. Кроме того, сторонники повышения пенсионного возраста основывались на представлении о абсолютной гибкости рынка труда, который сможет принять дополнительную рабочую силу и при этом не возникнет ситуация с массовой безработицей лиц предпенсионного возраста. Также принималось допущение, при котором рынок труда не будет реагировать на дополнительную рабочую силу посредством стагнации заработной платы и стагнацией отчислений в ПФР. В статье рассмотрены главные особенности функционирования российского рынка труда, которые влияют на экономическую эффективность решения о повышении пенсионного возраста. В частности указывается на долгосрочную тенденцию снижения численности рабочих мест в наблюдаемой экономике. Это формирует дефицит рабочих мест в целом для всех категорий граждан и особенно для лиц предпенсионного возраста. На основе анализа уровня реальных заработных плат в экономике показывается, что при сложившемся тарифе отчислений в ПФР необходимо для балансирования расходов и доходов пенсионного фонда (включая снижения трансферта из федерального бюджета) дополнительный приток рабочей силы, исчисляемый десятками миллионов человек. Также рассмотрены факторы возрастной дискриминации, нетрудоспособности и выполнения социальных обязательств, снижающих участие лиц старшего поколения в рынке труда.

Ключевые слова: *повышение пенсионного возраста, пенсионная реформа, рынок труда, продолжительность жизни.*

Классификация JEL: H55.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-42-2-9

Введение

Анализ текущего пенсионного обеспечения в России показывает, что значительная часть выходящих на пенсию людей получают ее в размере, который не только не соответствует стандартам 102 Конвенции МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения» (пенсия должна замещать не менее 40%

утраченного среднего заработка и обеспечивать условия жизни не только работника, но его супруги), но и не достигает официально установленного прожиточного минимума. Каждый седьмой пенсионер, имеющий страховую пенсию, получает из федерального бюджета надбавку, уравнивающую его реальный доход с величиной прожиточного минимума.